

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

MODERNITÉ В ИЗБРАННЫХ СЮЖЕТАХ

*Некоторые случаи частного
и общественного сознания
XIX—XX веков*

КИРИЛЛ КОБРИН

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2015

УДК 80
ББК 83
К55

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
кандидат философских наук,
доцент факультета философии НИУ ВШЭ
КИРИЛЛ МАРТЫНОВ

- Кобрин, К.**
К55 *Modernité* в избранных сюжетах. Некоторые случаи частного и общественного сознания XIX–XX веков [Текст] / К. Кобрин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 240 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1250-0 (в пер.).

Книга «*Modernité* в избранных сюжетах» посвящена разным сюжетам — и одной теме. Эта тема — «современность», исторический период, пересоздавший наш мир, перевернувший его гораздо последовательнее, нежели любые изменения, которые случились в мире с момента появления христианства. В русской обыденной речи «современное» значит то, что происходит сейчас и противостоит прошлому, «истории». Однако во французском и английском языках это понятие имеет свои хронологические рамки и свое собственное содержание. Так что речь в книге идет не о «современности», а о *modernité*, понятии, введенном Шарлем Бодлером. *Modernité, modernity* — это Новое и Новейшее время, эпоха промышленного производства, технологических революций, свободного рынка, массового общества и массовых идеологий.

Автора книги интересует, как было устроено сознание некоторых людей, создавших эту эпоху и участвовавших в ее развitiи — или противостоявших ей.

Книга адресована широкому кругу читателей, имеющих вкус к исторической рефлексии.

УДК 80
ББК 83

ISBN 978-5-7598-1250-0

© Кобрин К., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

MODERNITÈ:

КЛАССОВАЯ БОРЬБА,
НАЦИОНАЛИЗМ,
ВОЙНА, ЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК.....7

ВЕЧНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ
(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
«ВОСЕМНАДЦАТОГО
БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА»)..... 9

КАЗУС КАФКИ (ПОИСК
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ).....40

НАСТОЯЩИЙ АВГУСТ
ФРАНЦА КАФКИ.....60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

MODERNITÈ:

МОДЕРНИЗМ, ВОЙНА,
МУСОР ПРОШЛОГО..... 83

КИРИКО: МЕЛАНХОЛИЯ
ВЕЧНОГО (НЕ)ОТБЫТИЯ.....85

КУРТ ШВИТТЕРС: ПОБЕДИТЕЛЬ.....97

НИТКА ОТ ШТАНДАРТА
ИМПЕРИИ: АРХЕОЛОГИЯ
МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТА.....103

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

TOTAL MODERNITÉ:

МЕХАНИЗМЫ

РЕФЛЕКСИИ 117

 ДРОБЯЩИЕСЯ ТЕЛА ВЛАСТИ.....119

 «ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ».

 СЛУЧАЙ ЛИДИИ ГИНЗБУРГ151

 ПРОРЫВ БЛОКАДНОГО КРУГА.....201

MODERNITÉ:
КЛАССОВАЯ БОРЬБА,
НАЦИОНАЛИЗМ,
ВОЙНА, ЧАСТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Вечная современность

(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
«ВОСЕМНАДЦАТОГО БРЮМЕРА
ЛУИ БОНАПАРТА»)

Своей бессонной мыслью, как огромным шалым прожектором, он раскатывал по черному небу истории; гигантскими световыми щупальцами шарил в пустоте времен; выхватывал из мрака тот или другой кусок, сжигал его ослепительным блеском исторических законов и равнодушно предоставлял ему снова окунуться в ничтожество, как будто ничего не случилось.

*Осип Мандельштам.
«Девятнадцатый век»*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1864 году в Лондоне, в концертном зале Сент-Мартинс Холл в Ковент-Гардене, был создан Первый Интернационал (Международное товарищество трудящихся); в учредительном собрании участвовал Карл Маркс, которого избрали в руководство новой организации. Ему же поручили написать Учредительный манифест и Временный устав товарищества. Сто лет спустя, в 1964-м, Исайя Берлин в эссе «Марксизм и Интернационал в XIX веке»¹ дал компактное, удивительно ясное изложение теории Маркса и ее дальнейших приключений; автор приурочил свой текст к столетнему юбилею Первого Международного товарищества трудящихся. За двенадцать лет до учредительного собрания Первого Интернационала в Сент-Мартинс Холл Карл Маркс публикует в немецко-

¹ Берлин И. Философия свободы. Европа. 2-е изд. / пер. М. Рубинштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 366–423.

язычном журнале «Die Revolution», который издавался в США эмигрантом Йозефом Вейдемейером, большой политический памфлет «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где по горячим следам анализирует развитие событий во Франции от февральской революции 1848 года до установления Второй Империи. Маркс сочинял свою работу в то время, когда перспективы нового (названного им «бонапартистским») режима были весьма туманны; выводы автора оказались точными, и это позволило переиздать работу при жизни Маркса в 1869-м, за год до краха режима Наполеона III. В предисловии к первому переизданию Маркс пишет, что практически не менял текст семнадцатилетней давности; тем самым он намекает: содержащийся там новый подход к политическому анализу гораздо важнее политической текучки — оттого, к примеру, можно не разъяснять немецкому читателю 1869 года французских персоналий 1849-го. Иными словами, перед нами теоретическое сочинение, один из краеугольных камней здания теории классовой борьбы и пролетарской революции; более того, «Восемнадцатое брюмера» — кажется, первое сочинение Маркса, где он методично и сознательно применил только что созданную им концепцию к важнейшему политическому событию того времени, сильно повлиявшему на всю Европу. И хотя в предисловии к первому переизданию Маркс утверждает, что взялся за этот труд из желания помочь соратнику, затеявшему радикальный политический еженедельник, однако, как часто бывает, искушение использовать новейшую всеобъясняющую революционную концепцию для объяснения свежайшей революции европейского масштаба (не говоря уж о том, что к началу 1852 года во многих других европейских странах бушевавшие там революции только-только затихли или были подавлены) пересилило случайный, чуть ли не «заказной» характер работы. Шедевры необязательно рождаются из намерения создать таковые, неспешно трудясь в тиши кабинетов, после кропотливой предва-

рительной работы и уединенных прогулок по сельской местности. Часто — если мысль автора уже «готова» к работе, а на горизонте не маячит ни кабинета, ни свободного времени, ни даже тропинки посреди мирных пажитей — все происходит по-иному, и из злобы дня на свет божий является нетленная ценность (или кажущаяся таковой). Видимо, то же самое произошло и с «Восемнадцатым брюмера Луи Бонапарта», которое, конечно же, есть своего рода шедевр политической мысли и идеологического расчета.

Более того, в третьем, посмертном немецком издании памфлета, в 1889-м (напомню, в том году был создан Второй Интернационал) «Восемнадцатое брюмера» уже названо Энгельсом «гениальным», после чего в его предисловии следует такой пассаж:

Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории французской Второй республики. На этой истории он в данной работе проверил правильность открытого им закона, и даже спустя тридцать три года все еще следует признать, что это испытание дало блестящие результаты².

Итак, если первое немецкое переиздание было затеяно, чтобы напомнить читателю — а это был уже чита-

² Энгельс Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. С. 258–259.

тель совсем иной, нежели в 1852-м, перед нами аудитория Первого Интернационала — основные положения теории классовой борьбы, то второе уже торжествующе предъявляло социал-демократической аудитории Второго Интернационала не только теоретическую, но и практическую политическую правоту Маркса. Вторая Империя бесславно рухнула, обнажив свое гнилое нутро, о котором так много сказано в «Восемнадцатом брюмера», парижская буржуазия совершила еще одну революцию, вновь, точно по Марксу, обнажившую слабость ее самой, после чего последовала Парижская Коммуна — то есть предсказанная Марксом революция социальная, пролетарская (тут совсем неважно, что первоначально теоретик отнесся к практикам-коммунарам довольно прохладно и недоверчиво).

Как видим, теснейшим образом оказываются связаны две революции (1848–1849 и 1870–1871), два Интернационала (Первый и Второй) и два сочинения примерно одной величины: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса и «Марксизм и Интернационал в XIX веке» Исаи Берлина. На пересечении этих событий и текстов я попытаюсь построить свой собственный текст. Главным объектом анализа станет «Восемнадцатое брюмера»; эссе Берлина (само по себе замечательное!) присутствует здесь почти незримо и упоминается лишь в нескольких местах. Наконец, я привлек и иной материал, которого нет ни у Маркса, ни у Берлина, — сюжеты, связанные с общественной, культурной и идеологической историей Второй Империи. Главный из них — понятие *современность*, *modernité*, появившееся (усилиями Шарля Бодлера) именно в эти годы и именно в Париже. Как известно, Вальтер Беньямин первым свел вместе Маркса и Бодлера в анализе этого сюжета; с тех пор в трудах по культурной истории и истории идей такое сочетание стало чуть ли не классическим; однако, несмотря на внимание к теме, сегодня вряд ли можно говорить о ее исчерпанности. В частности, принципиально важным

представляется вопрос о нашей собственной позиции в отношении этого ключевого периода истории Запада, когда Париж был, по выражению Беньямина, «столицей девятнадцатого века». Где находится сегодняшнее западное сознание — вне или внутри того периода, определение (и даже само содержание) которого было отчеканено между 18 брюмера Луи Бонапарта и судом над «Госпожой Бовари»? Сейчас наиболее распространенный ответ на этот вопрос — отрицательный, мол, *современность* в прошлом, мы давно уже в пост-пост-стадии ее; что же, посмотрим, можно ли поставить такой ответ под сомнение.

Для удобства изложения моих сумбурных мыслей — и для удобства чтения, конечно — нижеследующий текст разбит на небольшие главки. Каждая из них представляет собой интерпретацию того или иного положения работы Карла Маркса. Что касается самой мысли вновь обратиться (почти через 30 лет после первого знакомства с этим сочинением) к «Восемнадцатому брюмера Луи Бонапарта», то она пришла мне в голову при чтении замечательной книги Роберто Калассо «La Folie Baudelaire»³.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА VS. ДУШНЫЕ КЛУБЫ ПАРФЮМА

Наиболее интересная сегодня тема «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» связана с соотношением истории, «повторяющейся дважды» (знаменитый зачин памфлета)⁴, и революционной интерпретации ис-

³ Здесь использован английский перевод этой книги: *Calasso R. La Folie Baudelaire* / transl. by A. McEwen. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2012.

⁴ «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (*Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта* / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.

тории, которая исходит из невиданного доселе принципа классово́й борьбы. Ранние революции (от первой половины XVI века — если считать Реформацию «революцией», как это делали Маркс и Энгельс, — до второй половины XVIII века) одеваются в одежды прошлого, чтобы доказать свою значимость, правильность, чтобы легитимизировать себя. Новое приходит в одежде старого, все его паттерны, образы, риторические фигуры заданы старым временем. Полюсов тут два — Античность и Ветхий Завет. Первая модель — для светских революций, вторая — для Реформации и последующих протестантских движений; так сказать, Афины и Иерусалим, дуальная схема, которой, как мы помним, Лев Шестов исчерпывает европейскую традицию. В то же самое время консерватизм, любое охранительство, «контрреволюция» предпочитают в качестве материала для своих идейных построений совсем другие исторические эпохи, а также внеевропейские культуры — Новый Завет вместо Ветхого, Средние века вместо Античности, восточные деспотии и Китай вместо собственных Афин и Рима. Но вот уже после 1815-го происходит серьезное изменение: радикальные движения и перевороты намеренно подражают Великой французской революции (а некоторые и Войне за независимость североамериканских колоний). Возникает уже совсем другой, сознательно «модерновый» тип исторической легитимации, противостоящей охранительной. После 1815 года прогрессисты и радикалы, как и раньше, оглядываются назад, однако они намеренно близоруки и дальше Робеспьера (или, чуть позже для Европы и в качестве иного варианта, Бенджамина Франклина, Томаса Джефферсона и Джорджа Вашингтона) не видят ничего подходящего. Для Маркса такая «близорукость» есть воплощение не-

Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 119). Дальнейшие ссылки на цитаты из этой работы приводятся в тексте в скобках.

подлинности; выход из ситуации неподлинности, прорыв к истине он видит не в возврате к ретроспективной «дальнозоркости», а в наведении фокуса исключительно на *современность*. В качестве инструмента анализа, единственно верного интерпретационного механизма он предлагает концепцию классово-борьбы, не укорененную в прошлом (прошлое может — и должно — быть объектом приложения этой концепции, но самой ее в прошлом не было). Новое прочитывается с помощью нового — в этом смысле Карл Маркс, вместе с Шарлем Бодлером, быть может, главный создатель концепции *современности*, произведенной из материала *современности* же. *Современность* становится источником и результатом самой себя; одновременно, как мы видим у Маркса, она частенько презирует эту свою особенность, мечтая полностью освободиться от любого прошлого.

Роберто Калассо отмечает:

Слово *vulgarité* введено в оборот госпожой де Сталь в 1800 году. *Modernité* мы встречаем у Теофиля Готье в 1852-м. Но в «Замогильных записках» Шатобриана, опубликованных в 1849 году, эти два слова стоят рядом в одной и той же фразе, описывающей неприятности, с которыми автор столкнулся на вюртембергской таможе: «Вульгарность, эта современность таможен и паспортов». Будто судьба назначила этим двум словам быть вместе. Что же было до того? Были вульгарные люди, но не было вульгарности. И были современные люди, но не было современности. (...) *Современность*: слово, которое появляется и курсирует между Готье и Бодлером во Второй Империи, в период чуть более десяти лет, между 1852 и 1863-м. И каждый раз оно предъясняется осторожно, с пониманием того, что представляешь своему языку чужака. Готье (1855): «Современность. Есть ли такое существительное? Чувство, которое оно выражает, настолько недавнее, что этого слова, скорее всего, нет в словаре». Бодлер (1863): «Он ищет чего-то такого, что нам позволено было бы назвать современностью, — так как нет лучшего слова, выражающего эту идею». Но что это была за

идея, столь свежая и неявная, для выражения которой не нашлось пока обозначения? Из чего была сделана современность? Злой Жан Руссо⁵ тут же провозгласил, что современность состоит из женских тел и безделушек. Артур Стивенс, защищая Бодлера, впервые назвал поэта человеком, «который, я думаю, изобрел само слово, *современность*». С помощью живописи и фривольности это слово ворвалось в словарь. И оно было обречено закрепиться там, разрастаясь, завоевывая — и опустошая — все новые области. Вскоре никто уже не помнил его скромно-фривольного начала. У Бодлера, однако, это слово так и осталось в клубах пудры и парфюма⁶.

Обратим внимание на два обстоятельства. Первое: *modernité* появляется вместе со Второй Империей, идеально совпадая по времени с развитием зрелой марксистской теории. Там, где Готье хитрым ударом отправляет мяч *современности* на поле Бодлера, стоит и финальная точка «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса. Второе: для Бодлера, выковавшего это понятие, современность искусства — а он в данном случае пишет именно об искусстве — это когда в качестве его объекта избираются не «освященные овощи» пленэра, а бордели, парки, танцзалы и бульвары, то есть то, что существует сейчас и в нынешнем виде относительно недавно появилось в городской жизни. Сам современный город с его пороками, непристойностью, доступными женщинами, окутанными душными клубами парфюма, есть воплощение *modernité*. Точно так же Маркс считал истинной революцией лишь ту, что мыслит себя частью *современности* и не рядится в «освященные древностью наряды» (с. 119).

Современность двойственна: она пытается возвести свою генеалогию к собственному прошлому и одновременно отрицает необходимость для себя генеало-

⁵ Литературный обозреватель середины XIX века, а не великий философ второй половины XVIII века.

⁶ Calasso R. Op. cit. P. 166.

гии как таковой. Художественный авангард XX века в своем начале еще сильнее обнажил эту двойственность: сбрасывая с корабля современности прошлое, он одновременно пытается нащупать предшественников, причем в самых случайных и нелогичных, казалось бы, контекстах, за пределами самого механизма «близорукости». Современность не доверяет прошлому, даже своему собственному, но оказывается в ситуации «чистого настоящего» или даже «чистого будущего» боится. Отсюда попытки, к примеру, сюрреалистов составить список собственных великих — совершенно случайных — предшественников. Все кончается не взрывом, но убийственной иронией у Борхеса в эссе «Кафка и его предшественники» и его же мнимыми литературно-философскими родословными⁷. Борьба с «кошмаром традиций прошлых поколений» (с. 119) через его отрицание и попытку установить над ним власть посредством произвольного точечного выбора своих предшественников кончается полной мистификацией прошлого, окончательным лишением его любого смысла, кроме, разве что, декоративного (как у того же Борхеса, а в худшем случае, как у его эпигонов типа Милорада Павича).

ТЮРЬМА СОВРЕМЕННОСТИ

Переходим к следующему вопросу: зачем революции, этому главному (наряду с прогрессом) изобретению *современности*, этот старый прикид? Ответ Маркса таков: до поры до времени революция стыдится (или даже боится) своего истинного содержания, пытается предложить себе и другим нечто более «благородное» и «законное» (что значит — укорененное в истории, в «традиции прошлых поколений»). Иными словами, революция боится своей новизны, своей современ-

⁷ Борхес Х.Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Новые расследования: Произведения 1942–1969 годов. СПб.: Амфора, 2000. С. 421–423.

ности, боится себя именно как «революции». Первые революции обращаются к Древней Греции и Древнему Риму, а вот последующие — собственно, к первым революциям. Оттого столь принципиально важны Война за независимость США и Великая французская революция. Но дальше возникает следующий вопрос. Почему Маркс считает, что в середине XIX века такое мышление постыдно и неподлинно? Ответ прост: поменялось само содержание революции. Буржуазные политические революции превращаются в социальные (с перспективой чисто пролетарских). Так как после пролетарских ничего не будет и сама история (или «предыстория», как ее отчего-то называл Маркс) прекратится вместе с действием ее законов, то и новые революции должны искать свою силу и привлекательность в образе будущего, а не прошлого. Именно так можно прокомментировать пассаж:

Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы (с. 122).

Тут, помимо прочего, любопытно использование слова «поэзия» применительно к «социальной революции». С одной стороны, Маркс явно подменяет ключевое для современности, только обретающее нынешний свой смысл понятие «идеология» — «поэзией»; с другой стороны, вместо слова «поэзия» современный человек поставил бы в эту фразу понятное для него слово «образ» или «имидж»: «Социальная революция XIX века может черпать материал для создания своего имиджа только из будущего, а не из прошлого», — так, види-

мо, выразился бы сегодняшний Маркс. Отметим также, что ведь само «будущее» есть всего лишь «образ», «имидж» — получается, что имидж настоящего сооружается из имиджа будущего, который, безусловно, состоит из материалов настоящего. Круг замыкается, мы оказываемся в той же тюрьме *современности*.

ПРЕТЕРПЕТЬ СОВРЕМЕННОСТЬ, НЕ БОЛЕЕ ТОГО

Часть пролетариата пускается на доктринерские эксперименты, создание меновых банков и рабочих ассоциаций — другими словами, в такое движение, в котором он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире, пользуясь совокупностью заложенных в самом старом мире могучих средств, а пытается осуществить свое освобождение за спиной общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования и потому неизбежно терпит неудачу. Пролетариат, по видимому, не в состоянии ни обрести свое прежнее революционное величие в самом себе, ни почерпнуть новую энергию из вновь заключенных союзов, пока все классы, с которыми он боролся в июне, не будут так же повергнуты, как и он сам (с. 126).

Конечно, ни пролетариат *per se*, ни его экономическое и любое иное состояние Маркса *само по себе* не интересует; он видит в пролетариате лишь агента сокрушительной, финальной революции, которая разрушит старый мир и остановит, окончит историю. Оттого совершенно неважно, пытается ли пролетариат улучшить свое положение здесь и сейчас с помощью всевозможных касс взаимопомощи и прочего; наоборот, в каком-то смысле, чем хуже рабочим, тем быстрее им откроется неприкрытая истина эксплуатации и одновременно истина обреченности старого мира, тем скорее они нанесут удар в самую цель, не размениваясь на всякие мелочи, вроде Законодательного собрания, парламентской жизни вообще и т.д. Этот даже не праг-

матизм, а какой-то энтузиастический макиавеллизм Маркс передал по наследству Ленину, который положил его в основание своей политической стратегии и тактики. За разными смешными и несерьезными (с его точки зрения несерьезными, конечно) событиями, вроде свержения в 1848 году монархии Луи-Филиппа, Маркс видит конечную цель; любой разговор о конкретной политической, социальной, экономической, культурной ситуации он ведет, имея в виду эту цель. Хищный уверенный взгляд фанатика-утописта, взгляд беспощадного хилиаста, взгляд инквизитора, взгляд гностика, который в любом феномене видит арену Великой Битвы Добра и Зла. Любопытно, что для Маркса история — несмотря на всю «тактическую полезность» в качестве материала для его историософских схем — есть безусловное Зло (отсюда его слова о «кошмаре традиций прошлых поколений»), Добро же заключается в прекращении действия законов истории. Классический марксизм вынужден признавать действие исторических законов, которые он сам же и сформулировал, однако он им не доверяет, он ими тяготится и использует их для их же отмены. Созданный из материала историзма, настаивающий на историзме, классический марксизм признает его лишь как неизбежное зло, которое следует объяснить, использовать и — в итоге — прекратить.

В этом смысле идея пролетарской революции и грядущего коммунизма есть противоположность внешне очень на нее похожей идеи прогресса, этого другого изобретения (и важнейшего элемента) *современности*. Прогресс представляет собой тотальное изменение современной жизни в лучшую сторону, но он не отменяет этой жизни, ее основ. Можно даже представить себе некую органическую метафору, согласно которой *современность* есть тот корень, из которого вырастет дерево прекрасного будущего. Ствол, ветки и листья совсем не похожи на корень, но все вместе — это одно, ведь без корня не было бы остального. *Современность*

корня вырастает в дерево — и все дерево станет *современностью*. Коммунизм в классическом марксистском варианте видит в *современности* комбинацию безобразного больного корня и его выкорчевывателя; марксист объявляет выкорчевывателю его миссию, объясняя строение корня, согласно которому сам корень породил и своего убийцу, и неизбежность своей окончательной гибели. Акт выкорчевывания корня делает выкорчевывателя свободным от корня — соответственно, от *современности*. В сущности, даже неважно, что будет в яме, оставшейся от корня; оттого в революционном марксизме столь неясны контуры светлого будущего.

Поэтому не совсем верны расхожие представления об истинном отношении Маркса к (чуть ли не изобретенной им) дуальной схеме «прогрессивное» vs. «реакционное». Марксистский подход к прошлому и настоящему лишь отчасти укладывается в эту схему; границей ее влияния является как раз «крах старого мира». Исайя Берлин пишет о законах общественного развития, открытых Марксом: «Более того, эти законы определяют, что прогрессивно, а что реакционно, то есть что соответствует исконно присущим человеку целям, а что им противоречит»⁸. Это верно, но в определенных рамках. «Прогрессивное» хорошо лишь до предела старого общества, оно способствует прогрессу, который, в понимании Маркса, противоречит идее прогресса, характерной для *современности*, точнее — для буржуазного сознания. Марксистская «прогрессивность» — способность общественных (и прочих) явлений подталкивать старый мир к его концу. И все. В этом смысле «революционный» и «прогрессивный» — разные вещи. «Прогрессивное» несознательно телеологически способствует неизбежному падению мира эксплуатации; революционное выкорчевывает этот мир, являясь прологом к миру новому,

⁸ Берлин И. Указ. соч. С. 370.

дивному. Оттого «прогрессивное» есть второй сорт в отношении «революционного» — его можно только благожелательно терпеть до поры до времени, не более. Так, собственно говоря, и *современность* для Маркса (который не знал самого понятия, но много сделал для становления и определения смысла этой эпохи) — то, что революционеру стоит претерпеть, ведь иначе нельзя⁹. Радикальный отказ от прошлого, в том числе и от прошлого внутри *современности*, — вот одна из главных задач истинного революционера.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ТРЮКАЧА И ПРОСТАКА

Вышесказанное не отменяет удивительной пронизательности политического и идеологического анализа, который Маркс проделывает в «Восемнадцатом брюмера». Главный недостаток этого текста, пожалуй, стилистический — важные пункты тонут в потоке эмоциональной, многословной, почти графоманской политической публицистики. Но не следует забывать: перед нами памфлет на злободневную тему, написанный для немецкого радикального издания, выходящего в Америке. В нынешних условиях господства маркетинга, истерических поисков *target audience* и «медийной ниши», задача, стоявшая 160 лет назад перед Карлом Марксом, была бы трудновыполнимой. Маркс не имел никакого представления, для кого он пишет, — и, соответственно, что именно следует объяснить, на чем сосредоточить внимание, какую лексику использовать и т.д. Судя по тексту «Восемнадцатого брюмера» (и, кажется, в отличие от некоторых других вещей, которые он сочинял для «New York Daily

⁹ «Капиталистический строй не был для него ни стихийным бедствием, ни чьим-то злым умыслом; происхождение этого строя вполне объяснимо, он неизбежен и, в конце концов, служит благу человечества, поскольку история рациональна» (Берлин И. Указ. соч. С. 403).

Tribune» — но не всех), Маркса совершенно не заботило, знает ли его читатель политических деятелей и французские реалии, о которых он с таким жаром повествует. Памфлет написан как бы в никуда — и в этом одна из причин его убедительности. «Восемнадцатое брюмера» есть результат действия двух факторов. Во-первых, автор пытается прояснить для самого себя некоторые собственные представления историко-политического характера — они и есть «опорные пункты анализа» в публицистическом потоке. Уже сам факт фамильярного использования имен разных французских деятелей говорит о характере этого текста: он сделан для себя и нескольких «своих», которые не только поймут, о ком идет речь, они поймут и причину такого отношения к главным и второстепенным героям «Восемнадцатого брюмера». Во-вторых, в то же время Маркс предвидит некую воображаемую будущую, возможную аудиторию (оттого через 12 лет переиздает памфлет почти без изменений). Для подобной (немецкоязычной!) аудитории разные Ледрю-Роллены и генералы Кавеньяки совершенно не важны — точно так же, как и сама история с ее фактами не важна, она бессмысленна, ибо ничего не объясняет профану. Зато важны выводы и упомянутые мною «опорные пункты анализа»; эти «пункты» не теряют актуальности до тех пор, пока старый мир, мир буржуазии не кончится. Их и следует изучать.

Любопытно, что почти во всех этих пунктах Маркс (кажется) совершенно прав — в любом случае, верим мы сейчас в неизбежный конец старого мира и наступление вечного прекрасного будущего или же являемся сторонниками усовершенствования того мира, в котором живем и конца которого не ожидаем. Кажущаяся правота Маркса смущает, ведь исходные установки этого анализа исключают его, так сказать, объективность: как известно, марксизм вообще отвергает какую бы то ни было объективность, заменяя ее правильной ангажированностью, ангажированностью собой. «Учение

Маркса всесильно, потому что оно верно», — писал Ленин. Над этой фразой много потешались, не понимая одного: она имеет в виду неизбежное конечное торжество коммунизма как единственно возможный способ доказательства верности положений марксизма. Марксизм всесилен (то есть торжествует, то есть не только может всё, он уже это «всё» совершает прямо на наших глазах), оттого (нам здесь и сейчас очевидно, что он) верен. Данная формула тавтологична, как замечают ее критики, но именно в тавтологии ее мощь. Попробуем ее перевернуть: марксизм верен, оттого что всесилен. От перемены мест смысл не меняется; мы видим все ту же могущественную формулу, которую бессмысленно доказывать или опровергать, — ибо эти действия возможны лишь исходя из существования «объективной истины». В марксизме объективной истины не существует. Исайя Берлин точно формулирует это качество учения Маркса:

Понятие беспристрастной оценки, объективного описания мира, а тем более беспристрастия в действии признается абсурдным. Я наблюдаю мир глазами своей эпохи, своей культуры и, разумеется, своего класса; мое мировоззрение формируют классовые интересы. Реализм и его центральное положение, гласящее, что факты принадлежат объективному миру и могут быть увидены без всякого пристрастия и без всякой оценки, равноценен тому, чтобы видеть в человеке существо, по природе своей преследующее некие цели¹⁰.

Все вышесказанное давно известно; Исайя Берлин не единственный, кто анализировал эту удивительную особенность марксистского учения. Но возникает следующий вопрос: отчего же тогда проведенный Марксом политический анализ событий, предшествующих установлению бонапартистского режима во Франции, не только кажется нам *объективно верным*, он кажется нам *актуальным* и в отношении *других ситуаций*,

¹⁰ Берлин И. Указ. соч. С. 374.

произошедших в последующие полтора столетия после бонапартистского переворота?

Возьмем, к примеру, сюжет, связанный с одним весьма свежим в середине XIX века лозунгом. Речь идет о псевдоидеологической конструкции, к помощи которой часто прибегают режимы «промежуточного характера». Эта «промежуточность» — между демократией и не-демократией (монархией, а чаще всего — авторитарным режимом, иногда даже тоталитарным или около того); под властью подобных режимов обычно находятся общества с неустоявшейся классовой структурой, где экономически и социально преобладает буржуазия, — при этом совершенно необязательно, что буржуазия в них преобладает политически и даже культурно. Довольно часто речь идет об обществе, сложившемся в результате недавних серьезных потрясений вроде революций, войн или экономических переворотов. Собственно, когда Маркс говорит о «бонапартизме» как типе политического режима, он говорит о таком обществе. Касаясь этого сюжета, Маркс точно описывает очень многие политико-идеологические ситуации последних 150 лет, от португальского Салазара до российского Путина третьего срока:

Все классы и партии во время июньских дней сплотились в партию порядка против класса пролетариев — партии анархии, социализма, коммунизма. Они «спасли» общество от «врагов общества». Они избрали паролем для своих войск девиз старого общества: «Собственность, семья, религия, порядок», и ободряли контрреволюционных крестоносцев словами: «Сим победиши!» Начиная с этого момента, как только одна из многочисленных партий, сплотившихся под этим знаменем против июньских повстанцев, пытается в своих собственных классовых интересах удержаться на революционной арене, ей наносят поражение под лозунгом: «Собственность, семья, религия, порядок!» Общество оказывается спасенным каждый раз, когда суживается круг его повелителей, когда более узкие интересы одерживают верх над более общи-

ми интересами. Всякое требование самой простой буржуазной финансовой реформы, самого шаблонного либерализма, самого формального республиканизма, самого плоского демократизма одновременно наказывается как «покушение на общество» и клеймится как «социализм». Под конец самих верховных жрецов «религии и порядка» пинками сгоняют с их пифийских треножников, среди ночи стаскивают с постели, впахивают в арестантскую карету, бросают в тюрьму или отправляют в изгнание, их храм сравнивают с землей, им затыкают рот, ломают их перья, рвут их закон — во имя религии, собственности, семьи и порядка. Пьяные толпы солдат расстреливают стоящих на своих балконах буржуа — фанатиков порядка, оскверняют их семейную святыню, бомбардируют для забавы их дома — во имя собственности, семьи, религии и порядка (с. 128).

Тут интересна политическая логика постреволюционного времени, как его описывает Маркс.

Необходимость для власти балансировать между несколькими социальными группами приводит одновременно к двум совершенно разным процессам. С одной стороны, власть пытается найти политический лозунг, который заменил бы ей политическую (то есть более социально однородную, более классовую) платформу, — она же не может в такой ситуации поставить только на один класс! В таком случае в ход идут ценности не узко-политические, а как бы над-политические, над-экономические, ценности (псевдо-)морального порядка. Они по (исторической) природе своей буржуазны, но апеллируют к неким фантомным добуржуазным «традиционным» (чуть ли не к так называемым «вечным») ценностям. Каждый из участников этого нового общественного договора видит в них свое; сама же власть держит себя на дистанции, сохраняя за собой лишь роль «протектора» ценностей, представляя обществу самому играть в них, давая выход своему постреволюционному охранительному страху. С другой стороны, чтобы вести такую политическую и идеологическую игру, власть должна быть очень под-

вижной, внимательной, расчетливой и монолитной. Оттого она все время отсекает от себя неустойчивые элементы; власть концентрируется, пока не оказывается представлена довольно узкой группой. В этом ее сила, но в этом и ее слабость: «Общество оказывается спасенным каждый раз, когда суживается круг его повелителей, когда более узкие интересы одерживают верх над более общими интересами».

Но вернемся к вопросу, заданному несколькими абзацами выше. Отчего марксов анализ конкретной политической ситуации рубежа 1840–1850-х годов до сегодняшнего дня кажется нам верным? Еще раз: Маркс принципиально считал, что объективного анализа не бывает, соответственно, и свой анализ он считал не объективным, ангажированным, исходящим из неких разделяемых им интересов. Получается ли, что признавая ход его мысли верным, мы тем самым заранее отказываем себе в объективности и автоматически разделяем марксистские взгляды относительно классовой борьбы и грядущего триумфа коммунизма? Или Маркс в данном конкретном случае оказывается «верным» не оттого, что учение его «всесильно», он просто так, случайно, ненароком попал в десятку, метясь совершенно в другую цель?

Ответить на такой вопрос очень сложно, ведь мы столкнулись со знаменитым логическим трюком марксизма, с одной стороны, исключающим полемику с ним на его же поле, и с другой — исключающим правомерность существования любых иных полей. Более того, от разоблачения этот трюк ничуть не проигрывает, он продолжает быть эффективным и даже эффективным. Можно сколько угодно указывать обманщику на карлика, хитроумно упрятого внутри механической куклы, играющей в шахматы, но в ответ мы не получим ни смущения, ни даже попыток оправдаться. Нам скажут лишь, что подобный трюк является единственно возможным и тот, кто вопит об обмане, верит в нелепые чудеса вроде механических кукол, умеющих

самостоятельно играть в шахматы. На самом же деле комбинация карлика, куклы, приводимой им в движение, стола с шахматами и сложных ширм, за которыми прячется настоящий игрок, есть доказательство верности идеи о том, что такую комбинацию действительно можно создать и что она действительно будет успешно приводить в недоумение простаков. Иными словами, мы либо в партии трюкачей, либо среди простаков. Из сказанного следует два вывода. Считая некоторые аналитические положения «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» верными и даже актуальными в отношении некоторых позднейших ситуаций, мы либо признаем себя марксистами (то есть трюкачами), либо намеренно продолжаем оставаться в ситуации, когда марксизм производит впечатление объективной истины, вне зависимости от того, что он говорит о невозможности таковой (то есть признаем себя простаками). И в первом и во втором случае перед нами еще одно доказательство того, что XIX век продолжается и что мы существуем (то есть думаем, а не существуем) в контексте *современности*.

БУРЖУА И ТАЙНА ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ СОЦИУМА

Другой пример убеждающего анализа в «Восемнадцатом брюмера» — там, где Маркс тщательно разбирает истинные мотивы и политическую риторику группировок французских легитимистов и орлеанистов. В режимах Реставрации и Июльской монархии Маркс обнажает классовую структуру и систему классового господства; в первом случае — господства земельной аристократии, во втором — крупной финансовой буржуазии и обслуживающей ее «интеллигенции» (в основном имеются в виду столичные профессора, журналисты, прочие литераторы). Внешне анализ этот кажется безупречным, в нем есть жесткая логика; однако его можно (и должно) поколебать вопросом об

исходных данных. Действительно ли в эпоху Реставрации так экономически и политически была сильна земельная аристократия, не опирался ли тот режим на иную социальную базу, не выражал ли и чьих-то иных интересов? То же самое можно сказать и по поводу Июльской монархии. Ответы же следует искать в специальных исторических работах, в исследованиях по социально-экономической ситуации во Франции в первой половине XIX века. Нас же сейчас интересует не это — обратим внимание на саму по себе логику рассуждений автора. Перед нами типичный марксизм: логика рассуждения есть одновременно предлагаемая нам логика классово́й борьбы, которая является логикой истории (самая интересная часть эссе Исаяи Берлина посвящена как раз этой фундаментальной особенности учения Маркса). Внутри все стройно и последовательно; но дальше мы наблюдаем странный трюк: внезапный конец/отмена истории, логики истории, логики классово́й борьбы, само́й классово́й борьбы. Извне последовательного марксова рассуждения появляется идея конечного краха старого общества и триумфа коммунизма. Эта идея не только ставит в кавычки историю как нечто, имеющее начало и конец (Маркс называет «историю» «предысторией», но у него тут свой резон), она в некотором смысле ставит в кавычки сам марксизм как рационалистический европейский проект с его собственной логикой. Здесь мы опять видим явное предвосхищение будущего конфликта авангарда и концепции *современности*; *современность*, *modernity* (и ее художественный продукт, модернизм) имеет свою логику, *современность* отвергает прошлое — но логически доказывая, на каких основаниях это делает. Более того, она — будучи в каком-то смысле, как это ни странно, по-буржуазному добропорядочной — создает свою собственную историю со своим «близоруким» прошлым. В этом вся идея *современности*. По той же причине Маркс — агент *modernity*,

но только отчасти. Стоит явиться в марксовых рассуждениях некоей внешней, отменяющей все предыдущее силе — и Маркс перестает быть *современным*; так и художественный авангард с культом дикости и экзотических древних цивилизаций в каком-то смысле намеренно отказывается быть *современным*.

Сознание *современности* находится между историей (то есть наделяемым смыслом прошлым), не доверяя ей, но признавая ее как концепцию (и видя себя продуктом собственного прошлого), — и будущим, в котором *современность* сохранится в радикально улучшенном виде. С точки зрения Маркса, такая позиция является мелкобуржуазной; заметим, что «мелкобуржуазное» у Маркса применительно к типу сознания (если убрать жесткие социально-экономические критерии) равняется «буржуазному» в европейском понимании, сформулированном Бодлером и Флобером. Анализируя поведение Горы в Национальном собрании в 1849 году, Маркс отмечает, что она на некоторое время объединила интересы пролетариата и мелкой буржуазии, убрав крайности, «демократизировав» требования первого — и «социализировав» до того чисто политические, «демократические» требования второй. Гибрид же (Маркс этого не говорит прямо, но подразумевает) получился все равно мелкобуржуазным (то есть «буржуазным») по сути: пролетариат, пожертвовав качеством требований, фактически перестал выполнять свою главную, с марксистской точки зрения, функцию — быть инструментом низвержения старого мира. Вместо этого пролетариат озаботился его улучшением (сюда входят и столь презируемые Марксом «права человека») — и улучшением своего положения в улучшающемся мире. В итоге пролетариат, потеряв свое историческое предназначение, потерял идентичность, превращаясь в мелких буржуа. Под последними Маркс имеет в виду не просто обычных лавочников и ремесленников; в «Восемнадцатом брюмера» он развивает крайне интересную мысль о мелкой буржуазии

не столько как о социальном классе с его собственными экономическими и политическими интересами, а скорее как о типе (социального и не только) сознания. Мелкая буржуазия — точнее, мелкобуржуазное сознание — претендует на то, чтобы выражать интересы чуть ли не всего общества, создать образец поведения, моральных ценностей и т.д. Вот здесь критика Марксом мелкой буржуазии сходится с критикой буржуазного сознания Флобером. Аристократ, крупный промышленник, финансист не могут выражать интересы всего общества из-за своего социального эгоизма и снобизма — они обществу противостоят. Рабочие тоже не могут, ибо темны, необразованны, неразвиты и деструктивны. Они, конечно, обществу не противостоят, наоборот, весьма ценны, так как работают своими руками, однако рабочие нуждаются в некотором управлении и руководстве. Только мелкий буржуа находится в золотой середине и знает тайны золотого социального сечения. Маркс пишет:

Но демократ, представляя мелкую буржуазию, т.е. переходный класс, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всеми остальными слоями нации они составляют народ. Они стоят за народное право; они представляют народные интересы. Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — и народ со всеми своими неисчерпаемыми средствами бросится на угнетателей (с. 151).

Не будем даже вспоминать Флобера и других, просто поставим в этой цитате «средний класс» вместо «мелкой буржуазии» и получим идеальное описание нынешнего господствующего на Западе представления об универсальной спасительной и примиряющей роли

среднего класса. Как мы видим, Маркс предвосхитил нынешнюю мантру¹¹. Дело не только в пронизательности (почти гениальной) автора «Восемнадцатого брюмера»; если серьезно подумать, начинает казаться, что в каком-то (и очень важном!) смысле мы действительно живем в мире Карла Маркса. Если так, то *современность*, *modernity*, как способ политического мышления продолжается — значит, и XIX век пока не кончился.

СОВРЕМЕННОСТЬ БЕЗ БЕРЕГОВ

Итак, буржуазное сознание претендует на универсальность. Оно претендует на то, что только оно может представлять интересы народа, интересы нации, оно является источником идеи справедливости, прав человека и демократии. Его универсальность сообщает всем своим вышеперечисленным плодам универсальный характер. Более того, только его — буржуазного сознания и самой буржуазии — прошлое породило настоящее, в том числе и революционное. В определенном смысле это сознание, оборачиваясь назад, оказывается в циклическом времени мифа, а не линейном времени истории, так как постоянно проигрывает по кругу одни и те же сюжеты из собственного прошлого. Претендуя на универсальность, буржуазное сознание претендует на всеобщность этой универсальности; оно разрешает все загадки и дает ответы на все вопросы, от биологии до экономики, от философии до мате-

¹¹ Смотри также рассуждения Маркса о среднем классе в «Заключении» (только его оценка этой роли, по понятным причинам, противоположная). В каком-то смысле, универсализму буржуазии, среднего класса Маркс противопоставляет еще больший универсализм пролетариата; если первая выражает интересы нации, то второй — человечества в целом. Исая Берлин отмечает: «Он отождествлял интересы одной группы, или класса, — эксплуатируемого пролетариата, — с интересами всего человечества в целом» (Берлин И. Указ. соч. С. 369).

матики. С помощью науки и техники оно подчиняет себе весь мир — мир людей, вещей, мыслей. Буржуазное сознание видит себя беспредельно самодостаточным и беспредельно саморасширяющимся; главный инструмент саморасширения — идея прогресса. Будущее этого сознания есть будущее *современности*, а не всего человечества со всей его историей. Будущее представляется лишь направлением, куда из настоящего изливается поток прогресса.

Иными словами, *современность* есть просто иное название для окончательного триумфа буржуазного сознания. Не стоит особенно высокомерно взирать с теоретических высот на бодлеровские клубы парфюма и пудры — из какой еще пены должна явиться миру Афродита-Буржуазия?

Но вернемся к первым абзацам «Восемнадцатого брюмера» о старых тряпках, в которые рядятся революции второй трети XIX века. Здесь можно обнаружить намек на то, как именно буржуазное сознание, *современность*, будучи всеобщим и всепоглощающим, обращается с чужой историей, с тем, что было до нее. Нет, *современность* не отказывает ей в существовании, наоборот, она вытаскивает из забвения целые народы и историко-культурные эпохи — как великие археологи XIX — начала XX века открыли современному им миру Трою, Древнее Междуречье, микенскую культуру и т.д. Но *современность* делает это не из чистого любопытства (что не отменяет чистоты помыслов многих ее героев, конечно): без этих вырытых из земли как бы ненужных старых вещей, без чужой истории всеобщность триумфа буржуазного сознания будет неполной. Так многие империи, одержимые идеей бесконечного расширения господства, не могут остановиться и «из принципа» завоевывают одну ненужную заморскую территорию за другой. Открыв и описав эти неизвестные ранее куски чужого прошлого, *современность* закрепляет свое господство над ними с помощью музеев, архивов

и объемистых библиографий. Раннему периоду формирования буржуазного сознания до его господства, накануне наступления *современности* было еще выгодно прагматически и символически использовать чужое прошлое, не считая его пока чужим, обретая в нем свою легитимность, — как Великая французская революция использовала Античность. Укрепившись, победив тем или иным образом, *современность* отказалась от этой идеи как недостойной своей универсальности — вместо использования чужого прошлого буржуазное сознание стало считать себя продолжением исключительно своей истории, через которую и стало прочитывать ту, другую историю — причем любую, по своей прихоти выхваченную, как писал Мандельштам¹², из тьмы веков.

И здесь вновь возникает вопрос: по-прежнему ли мы живем в ту самую эпоху *современности*? С точки зрения нашего знания о прошлом (о чужом прошлом, о котором только что шла речь) — конечно, да. Наше историческое знание покоится почти исключительно на результатах трудов историков, филологов, лингвистов, археологов, археографов, издателей XIX — первой половины XX века. Даже если мы воображаем, что далеко ушли, скажем, от «историографии Лависса и Рамбо»¹³ (а на самом деле мы не ушли далеко, достаточно посмотреть на 99 процентов нынешней научно-популярной и академической исторической продукции), но движемся мы по рельсам, сделанным из лависсрамбовской стали; более того, сама идея того, что можно перемещаться по рельсам, в самодвижущемся экипаже, принадлежит тем же условным

¹² См. эпиграф к этому тексту.

¹³ Наричательный термин, введенный французскими историками Школы Анналов, который обозначает типичную позитивистскую историографию конца XIX века. Эрнест Лависс и Альфред Рамбо — авторы и редакторы подробных многотомных обобщающих изданий вроде «Histoire générale du IV siècle à nos jours».

Лависсу и Рамбо. Они — наши немного старомодные дядюшки, на чье наследство мы живем, чьи капиталы мы вкладываем в ультрасовременные проекты.

Но вот что интересно. Это универсальное знание *современности* о любом чужом прошлом существует, релевантно, вообще имеет смысл только в своих собственных пределах, то есть в пределах *modernity* и буржуазного сознания¹⁴. Вне этого его просто нет. Здесь проходит граница всеобщих притязаний *современности*, как бы она ни старалась не замечать эту границу. Любое сознание, для которого Ксеркс важнее царя Леонида, а споры о датах жизни Будды не имеют ни малейшего значения и смысла, находится за пределами *современности*. Соответственно, перед буржуазным сознанием встает вопрос, как относиться к данному факту. Самое простое — включить это *несовременное* в собственную *современную* картину как неперевариваемый элемент, сами же его дискретность и неперевариваемость лишь подчеркивают универсальный и всеобщий характер *современности*, так как только она задает рамки и возможность одновременного сосуществования самой себя и отсутствия самой себя. Так возникает идея мультикультурализма, которая есть прямое продолжение бесконечной экспансии *современности*, буржуазного сознания иными средствами. Мультикультурализм — не признак ослабления или даже конца *modernity*, наоборот — показатель того, что этот тип сознания жив, силен, способен на самые рискованные и изощренные авантюры. И тогда мы вновь вынуждены констатировать, что в каком-то очень важном смысле живем в XIX веке.

¹⁴ Значит, не один марксизм имеет сложные отношения с объективной истиной. Только Маркс честно отказывал такой истине в существовании вообще, а буржуазное сознание наивно считает себя носителем таковой.

АПОЛОГИЯ БОГЕМЫ

В четвертой главе своей книги¹⁵ Роберто Калассо приводит письмо Бодлера другу, где он рассказывает о своем странном сне. В сновидении поэт оказывается в борделе, который в то же самое время представляет собой торжество *современности*. Бордель как чуть ли не идеальный образ общества — эта идея пришла в голову не одному Бодлеру, но только он связал вместе ее, *современность* (одно из его определений истинно современного художника — тот, который рисует проституток) и богему. Богема современна, богема испытывает жгучий интерес к борделям; в каком-то смысле богемный человек, как и обитатели борделя (и как и сам Шарль Бодлер), принадлежит если не к отбросам современного общества, но уж, по крайней мере, к тем, кто находится за пределами жесткой социальной структуры. В то же время богема важна, ибо только она наиболее остро выражает *современность* — и понимает ее как никто иной. Станным образом к теме богемы обращается и Маркс в связи с анализом социальной базы бонапартистского движения. Он пишет:

...его¹⁶ всюду сопровождали члены Общества 10 декабря. Это общество возникло в 1849 году. Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие — сло-

¹⁵ Calasso R. Op. cit. P. 127–154.

¹⁶ Луи Бонапарта.

вом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют *la boheme* (с. 167).

Такое вот странное описание богемы — и не менее странное выставление ее в качестве чуть ли не главной силы, поддерживавшей Луи-Наполеона. Что это значит?

На первый взгляд очевидно: марксова теория классовой борьбы оперировала большими социальными понятиями. Все не попадающее под главное определение, исходящее из недвусмысленного отношения к средствам производства, оказывалось под сомнением и раздражало. Дело даже не в том, что подозрительные субъекты «выбивались из схемы», все гораздо серьезнее: они ускользали от марксистской телеологической идентификации. То есть Маркса интересует ответ не на вопрос «кто они?», а «для чего они?». И тут начинается самое интересное. Для Маркса с его идеей (мелко-)буржуазного сознания, претендующего на универсальность и всеобщность, такой вопрос стоять не должен. Богема есть необходимый элемент современного общества, довольно важный — так как именно здесь, за пределами жесткой классовой схемы, неприкрыто, безо всякого стыда реализуются интенции *современности*. Богема как бы не принадлежит никому, она состоит, по марксову же определению, из «подонков»; именно поэтому она является идеальным авангардом будущего бонапартистского режима, который покоится на комбинации интересов различных классов. Луи-Наполеон разом и революционер, и реакционер; он народен и автократичен; он подозрителен к органам представительной демократии (последовательно их ослабляя и уничтожая); он предпочитает апеллировать прямо к «народу» — либо не спрашивать разрешения на свои действия вообще. Он сам «подонок», он сам «богема». Получается, что в определенные моменты политической истории именно такого рода люди способны создать балансирующую между разными группами населения систему власти.

Но если переключиться из чисто социально-политического контекста *современности* в культурный, мы увидим, что здесь богема выполняет ту же самую функцию. Она презирует устоявшиеся культурные иерархии и предлагает прямое высказывание поверх (или вбок от) социокультурного заказа, опосредованного этими иерархиями и соответствующими институциями. Она рабски зависит от имущих классов (за счет подачек которых и существует), но все время нападает на них и даже постоянно оскорбляет их. Она презирует низшие классы и низовую «обывательскую» культуру — и в то же время в своем бунте против истеблишмента делает вид, что солидаризируется с «простыми людьми», особенно с самыми социальными низами. Наконец, богема принципиально современна (более того, претендует на то, чтобы диктовать культурную моду) и даже революционна, но вместе с тем она же часто щеголяет своей старомодностью, отрицает буржуазный прогресс, тяготеет к архаике и т.д. В этом смысле очень важно, что именно Вторая Империя породила богему в ее классическом — и существующем до сих пор! — виде. Если нужны какие-то еще доказательства, что мы по-прежнему живем в XIX веке, в *современности*, в эпоху господства буржуазного сознания, то это обстоятельство есть одно из главных.

Маркс в «Восемнадцатом брюмера» крайне злобно настроен в отношении тех, кого он называет богемой; любопытно также, что его критика носит почти исключительно моральный характер. Кажется, перед нами не идеолог пролетарской революции и пророк грядущего конца старого мира и триумфа коммунизма, а обыватель и ханжа (и это при том, что ханжой Маркс не был ни в коем случае¹⁷). В чем же дело? Маркса раздражает не только то, что «подонки», «люмпены» есть исключение из установленных им же правил; его

¹⁷ «Маркса приводили в бешенство все рассуждения об универсальной морали и общечеловеческих принципах», — пишет Берлин (*Берлин И. Указ. соч. С. 396*).

бесит легкость, с которой этот «сброд» решает политические задачи (а в то же самое время и культурные, о чем Маркс не знал), оказавшиеся не по зубам пролетариату (и другим «нормальным» классам). «Богема» при таком раскладе вовсе не символ грядущего скорого разложения старого порядка, а совершенно необходимый — и успешно действующий, несмотря на всю внешнюю свою расхлябанность, — элемент структуры современного мира. Маркс достаточно проницателен, чтобы понимать это. Отсюда злость и странные всплески обывательского морализма. Через 12 лет после написания «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта», создавая Первый Интернационал, Маркс столкнется с тем, что богема оказалась не только действеннее пролетариата и его идеологов, она подвижнее, гибче и в каком-то смысле действительно эффективнее. Глядя из начала XXI века, наблюдая символы, знаки и слова окружающего нас мира, которые придумали дадаисты, Энди Уорхол, Ги Дебор, контркультура шестидесятых-семидесятых и прочие агенты хаоса и анархии, мы должны признать, что богема победила. А пролетариат, спросите вы? Он просто исчез.

Kobrin, K.

Modernité in Selected Cases [Text] / K. Kobrin; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2015. — 240 p. — (Cultural Studies). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1250-0 (hardcover).

“Modernité in Selected Cases” is dealing with a few subjects but there is only one main topic in the book. This topic is modernité, “modernity”, Modern times, a historical period which transformed the world more seriously and deeply than any other changes from the early years of Christianity. In the Russian common language “modern” cannot be differed from “contemporary”; in this context “modern” opposes “past” and “history”. But in English and French the terms “modern” and “modernity” have their own chronological limits and their own content.

That is why this book focuses on modernité — modernité as the term introduced by Charles Baudelaire and as the historical period of industrial revolutions, market economy, mass production, mass society and mass ideologies. Kirill Kobrin tries to investigate the types and structure of historical consciousness of some of those who either participated in the making of modernité or opposed it.

This book is written for the readers who have a taste for historical deliberations.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

КИРИЛЛ КОБРИН

MODERNITÈ
В ИЗБРАННЫХ СЮЖЕТАХ

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ЧАСТНОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
XIX–XX ВЕКОВ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 12.12.2014. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 10,7
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Изд. № 1836. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

Всё о наших изданиях

id.hse.ru/books
id.hse.ru/catalogue

Отдел реализации

тел.: (499) 611-24-16
факс: (499) 611-13-03
e-mail: bookmarket@hse.ru

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**Университетский
книжный магазин
«БукВышка»**

Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: (495) 628-29-60
id.hse.ru/bookshop
e-mail: books@hse.ru

ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**Все книги Издательского дома
ВШЭ, имеющиеся в продаже, —
по минимальным ценам**

Оплата наличными
или банковской картой

Доставка в 300 городов России

БукВышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Более 8000 наименований научной, учебной,
справочной, общеобразовательной
литературы отечественных и иностранных
издательств, в том числе
ВСЕ книги ИД ВШЭ

Сувениры с символикой ВШЭ

Скидки сотрудникам и учащимся ВШЭ

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, 20

ЧАСЫ РАБОТЫ:

Пн–пт — с 10.00 до 20.00

Сб — с 10.00 до 19.00

Воскресенье — выходной

Тел. (495) 621 4966

<http://id.hse.ru/bookvyshka>

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем Вас посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*

ISBN 978-5-7598-1250-0

9 785759 812500

